

УДК 347.132

Александров Георгий Александрович

магистрант
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
alexandrov.georgiy@yandex.ru

Georgiy A. Aleksandrov

Post-graduate student
Moscow State University named
after M. V. Lomonosov
Chelyabinsk, Russia

**СОПОРУЧИТЕЛЬСТВО: РЕГРЕСС ИЛИ
СУБРОГАЦИЯ?**

COSURETY: RECOURSE OR SUBROGATION?

Аннотация

В статье рассматриваются сложные вопросы множественности поручителей. В частности, исследуются отдельно и совместно данное поручительство, а также причины появления двух моделей, их исторический и сравнительно правовой анализ. В результате автор делает вывод о том, какая из моделей (регресс или суброгация) является предпочтительной.

Ключевые слова:

регресс, суброгация, совместное поручительство, отдельное поручительство

Abstract

The article deals with the complex issues of plurality of sureties. In particular, it examines the separate and joint surety, as well as the reasons for the emergence of the two models and their historical and comparative legal analyses. As a result, the author concludes which model (recourse or subrogation) is preferable.

Keywords:

recourse, subrogation, joint surety, separate surety

Множественность поручителей может иметь место в совершенно разных ситуациях, в каждой из которых отношения между поручителями будут различными.

При ограниченном в долях поручительстве, когда каждый поручитель обеспечивает определенную часть долга, кредитор имеет право предъявить требование к каждому из поручителей лишь в размере указанной доли, а поручители не имеют никаких требований к друг другу.

При субсидиарной модели поручитель, исполнивший обязательство, становится на место кредитора в порядке суброгации (подп. 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ). Следовательно, исполнивший поручитель получает право требования к поручителю, по отношению к которому он несет субсидиарную ответственность.

Более сложными представляются ситуации разграничения совместного и отдельно данного поручительства. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» (далее – Постановление Пленума ВС) в п. 13 закрепляет презумпцию отдельного поручительства, которая была сформулирована Президиумом ВАС в Постановлении от 03.07.2012 № 1964/12 [1]. Для наличия же совместного характера поручительства необходимо установление волеизъявления на совместное обеспечение обязательства

[2], [3]. Вместе с тем некоторые авторы предлагают устанавливать именно волю [18, с. 11].

Введение указанной презумпции оправдано для подхода, который избрал правоприменитель. Подробнее об этом будет сказано далее. Вместе с тем нельзя не отметить, что в других странах, например в Германии, такая презумпция отсутствует. При неясности воли сторон суду следует установить ее путем толкования [10, с. 105].

Совместным поручительством в российском праве называется ситуация, когда два и более лица по согласованию друг с другом поручаются по одному обязательству. Именно об этом виде поручительства говорит ГК РФ в ст. 363. В случае исполнения обязательства одним из солидарных поручителей у него возникает право требования в порядке регресса к другому поручителю (п. 2 ст. 325 ГК РФ).

Раздельное поручительство имеет место тогда, когда два и более поручителя обеспечивают один и тот же долг независимо друг от друга. В настоящий момент на уровне Постановления Пленума ВС закреплена позиция, согласно которой к такому исполнившему поручителю происходит прав кредитора в порядке суброгации (абз. 2 п. 14).

Почему российский правоприменитель пришел к такому решению, которое заметно отличается как от подхода, принятого в других странах, так и от подхода, существовавшего в России ранее? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть историю и сравнительно-правовой аспект данного вопроса.

Первой формой поручительства в римском праве была *sponsio*. В середине 3 века до н. э. был принят *lex Appuleia*, который предоставил каждому из поручителей, кто уплатил больше своей части, право требовать от других поручителей возмещения ему излишне уплаченного [12, с. 520]. Затем *lex Furia* требовал от кредитора поделить долг между всеми поручителями. Эта льгота называлась *beneficium divisionis*, она распространялась на всех поручителей [26, с. 120].

Lex Cicereia обязал кредитора публично уведомлять о том, по какому обязательству и сколько поручительств у него было, чтобы поручители знали, какую часть долга они должны выплатить. Все эти ограничения сделали *sponsio* непривлекательной для кредиторов [26, с. 120]. Другой формой поручительства была *fidepromissio*, но на нее также распространялись эти ограничения.

Кредиторы стали искать иные способы обеспечить обязательства. Появилась *fideiussio*, которая была свободна от указанных ограничений. Однако в первой

половине 2 века н. э. *epistula Hadriani* распространила на *fideiussio beneficium divisionis* [12, с. 120]. Именно эта форма поручительства стала единственной во времена Юстиниана.

Таким образом, в римском праве исполнивший обязательство поручитель не мог взыскать весь долг с другого поручителя, так как при любой форме поручительства сохранялась льгота *beneficium divisionis*.

В древнегерманском праве до влияния на него римского права поручительство нескольких лиц делилось на независимое и совместное. При независимой модели каждый поручитель отвечал за весь долг в целом, а при совместной – за соответствующую часть [19, с. 221]. Второй вариант был более выгодным для поручителя, так как с него нельзя было взыскать весь долг, следовательно, льгота *beneficium divisionis* в таком случае не нужна.

Что касается независимого поручительства, то по разным местным правилам кредитор был обязан приглашать всех поручителей к одновременному исполнению, причем то, в каких долях обязательство будет исполнено каждым из поручителей, определялось ими самими [19, с. 226]. Если же поручители добровольно не платили долг, то кредитор мог взыскать все с одного из поручителей, в результате чего последний заменял кредитора. В литературе указывается, что он имел право регресса к основному должнику [19, с.228]. На вопрос о том, имел ли он право регресса к иным поручителям, ответа нет. Далее под влиянием римского права *beneficium divisionis* стала частью германского правопорядка.

В современном германском праве используются понятия «самостоятельные сопоручители» и «солидарные сопоручители» [10, с. 104]. Самостоятельные сопоручители в российской терминологии являются раздельными, а солидарные – совместным. При этом все поручители являются солидарными должниками в силу закона, даже если не примут обязательство совместно (§ 769 Гражданского уложения Германии (далее – ГГУ)). Важный постулат – ни один из поручителей не может получить выгоду за счет того, что удовлетворит требования кредитора первым [23, с. 1524]. Следовательно, при удовлетворении одним из поручителей требования кредитора он приобретает право регрессного требования к остальным поручителям за вычетом своей доли (§ 426 ГГУ).

Таким образом, отличие самостоятельного и солидарного сопоручительства сводится к последствиям недействительности волеизъявления одного из поручителей.

В первом случае это не будет основанием для признания недействительности иных поручительств, во втором же случае это может являться таким основанием в соответствии с § 139 ГГУ.

Такое же правило существует во многих европейских правовых порядках: Франции, Нидерландах, Бельгии, Италии, Люксембурге [25, с. 43]. Аналогичным образом вопрос решается в английском праве [23, с. 1522] и актах наднациональной кодификации (ст. IV.G.-1:106 Draft Common Frame of Reference). Иначе говоря, сохраняет силу *beneficium divisionis*.

Интересный пример регулирования отношений поручителей представляет собой право Финляндии. Правом обратного требования наделен только каждый последующий поручитель к предшествующим [13]. Это объясняется разумными ожиданиями каждого из поручителей.

Перейдем к рассмотрению этого вопроса в исторической перспективе нашей страны. Древнерусское право не содержало каких-либо конкретных норм, указывающих на взаимоотношения нескольких поручителей. В источниках права Московского государства нет никаких указаний на льготу, подобную римской *beneficium divisionis* [16, с. 167]. Соборное уложение говорит о возможности наличия нескольких поручителей, но умалчивает о праве регресса при исполнении одним из них к другим. А. М. Нолькен и С. П. Никонов предлагают толковать такое молчание закона как запрет на регресс, поскольку каждый из поручителей в одинаковой степени обязывался отвечать за главный долг [19, с. 169].

Следующим шагом стал Устав о банкротях 1800 года, который в ст. 56 и 97 закрепил правило, что несколько поручителей должны отвечать лишь в тех долях, в которых они ручались.

Важным актом в развитии российского права является Свод законов Российской империи, в ст. 1558 которого было закреплено правило, подобное указанному выше. Правил о регрессе к другим поручителям в данном законе также установлено не было. Стоит учитывать, что Свод был результатом консолидации правовых норм, существовавших со времен Соборного Уложения. М. М. Сперанский исходил из того, что «Свод есть верное изображение того, что есть в законах, но он не есть ни дополнение их, ни толкование» [22, с. 326]. Следовательно, можно предположить, что отсутствие норм о регрессе следует толковать таким же образом, как было предложено выше.

Нельзя не остановиться и на Проекте Гражданского уложения Российской империи 1905 года. Влияние западноевропейских кодексов предопределило содержание ст. 2562 о том, что поручитель, исполнивший главное обязательство, имеет право требовать от прочих сопоручителей уплаты причитающихся на их долю частей долга [14, с. 118].

В ГК РСФСР 1922 было закреплено правило о том, что одновременно и совместно давшие поручительство лица отвечают, как солидарные должники. Сложно установить, что имели в виду составители кодекса, ограничив норму лишь совместным поручительством. И. Б. Новицкий говорит о том, что норма неприменима к отдельным поручителям, и их положение должно обсуждаться отдельно [17, с. 22-23].

Н. Б. Кашников толкует эту норму иначе. Он считает, что ввиду отсутствия специальной нормы о регрессе в кодексе любой поручитель занимал место кредитора в силу закона и мог требовать от других поручителей полной выплаты долга [13].

Затем данная норма попала в ч. 2 ст. 204 ГК РСФСР 1964 года, а потом и в современный кодекс. Указанное толкование могло иметь место до 2015 года, когда были внесены изменения в ч. 3 ст. 363 ГК РФ. Теперь в ней прямо написано, что исполнивший обязательство сопоручитель имеет обратное требование к иным лицам, предоставившим обеспечение.

Однако вопрос с отдельными поручителями в ГК РФ так и не был решен. Долгое время суды поддерживали точку зрения, что исполнивший требование поручитель не имеет права требовать от других поручителей [5]. Это объяснялось тем, что при прекращении основного долга прекращается и поручительство [4], [6], [7]. Эта точка зрения поддерживалась и рядом ученых [11].

Однако такой подход представляется несправедливым и неэффективным. Он дестимулирует поручителя исполнять обязательство. Более того, § 5 Главы 23 ГК РФ о поручительстве в большей части заимствует нормы из кодексов стран романо-германской правовой семьи, где предлагается иное решение проблемы [13].

Исправлением данной ситуации занялся ВАС сначала на уровне конкретных дел, а затем и в Постановлении Пленума. Так, в п. 28 Постановления Пленума ВАС (а вслед за ним и в п. 14 Постановления Пленума ВС) закреплена позиция, согласно которой исполнивший поручитель получает права кредитора в порядке суброгации. При этом подчеркивается, что имеется не одно солидарное обязательство, а столько пар «должник-поручитель», сколько поручительств и было выдано [8].

Наконец, мы можем подойти к обсуждению вопроса о том, почему был закреплен подобный подход. Основные аргументы обеих сторон можно найти в литературе. Л. А. Новоселова, В. А. Белов высказывались за применение к отдельным поручителям по аналогии правил о регрессе (п. 2 ст. 325) [9, с. 63]. Это соответствовало бы принятому в большинстве западноевропейских стран подходу. Такое положение поручителей соответствует принципу равенства [15]. У. Дробниг утверждает, что «все лица, предоставившие личное обеспечение, находятся в одной лодке и должны нести одинаковый риск» [24, с.107].

Большинство же высказалось за закрепленный сейчас подход [21, с. 141-151]. В качестве аргументов выдвигались следующие положения. Р. С. Бевзенко утверждал о том, что суброгация стимулирует исполнять обязательство [8]. Представим себе ситуацию, когда имеется два отдельных поручителя. Должник не исполняет обязательство и банкротится. Первый исполнивший поручитель получает право включиться в реестр требований кредиторов или потребовать исполнения от другого поручителя. У второго же поручителя при исполнении им обязательства остается одна опция – включиться в реестр требований кредиторов.

В. В. Витрянский считал, что применение по аналогии п. 2 ст. 325 к отдельным поручителям противоречит закону. Поручитель, исполнивший обязательство, занимает место кредитора (п. 1 ст. 365 и подп. 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ). Исключением из этого правила является п. 3 ст. 363 ГК РФ, который распространяется только на сопоручителей [13]. Следовательно, распространять эту норму на отдельных поручителей недопустимо.

Однако у такого подхода есть и негативные последствия. Тот факт, что последний поручитель остается один на один с должником видится сторонникам данного подхода оправданным, так как поручитель мог исполнить обязательство раньше. В то же время Р. И. Сайфуллин справедливо отмечает, что не всегда такое положение последнего поручителя является следствием его поведения [20].

В ГК РФ не предусмотрено обязанности кредитора уведомлять поручителей о просрочке должника, поэтому кредитор может обратиться с требованием к любому из поручителей. Таким образом, последний поручитель может стать таковым лишь волей случая.

Преодоление этой несправедливости возможно двумя способами. Первый – закрепить *beneficium divisionis*. Второй – закрепить обязанность кредитора уведомить

поручителей о просрочке должника и назначить им разумный срок для исполнения обязательства. Если все поручители исполняют обязательство в этот срок, то они должны считаться исполнившими в равных частях.

Однако такой подход также имеет недостатки, создавая дополнительные затруднения для кредитора. Во-первых, при исполнении несколькими поручителями у кредитора возникает неосновательное обогащение, которое последнему необходимо вернуть. Во-вторых, создаются дополнительные требования для реализации кредитором своего права. Необходимо помнить, что именно поручительство обеспечивает долг, но не наоборот.

Таким образом, наибольшую дискуссию вызывает вопрос о том, необходима ли дифференциация регулирования отношений между совместными и отдельными поручителями. Норма ст. 363 ГК РФ допускает двойное толкование. Российский правоприменитель, руководствуясь указанными выше аргументами, пришел к выводу о том, что модель суброгации более соответствует смыслу закона и интересам оборота. Этот подход является уникальным, так как не закреплен в качестве диспозитивного правила ни в одной из известных нам стран. Более того, он не был закреплен и в дореволюционной и, возможно, советской России.

Так или иначе любая модель обладает позитивными и негативными чертами. Выбор между ними зависит от того, как понимается множественное поручительство – в качестве механизма распределения рисков между поручителями или как стимулирование их к скорейшему исполнению.

Список использованных источников

1. Постановление Пленума ВС от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве».

2. Постановление Пленума ВАС от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах 3. разрешения споров, связанных с поручительством».

4. Постановление Президиума ВАС от 03.07.2012 № 1964/12.

5. Постановление АС ЗСО от 08.10.2010 № А45-24711/2009.

6. Постановление АС ЦО от 26.03.2007 № А08-12814/05–22.

7. Постановление АС УО от 27.09.2006 № А08-1079/06–22.

8. Барон Ю. Система римского гражданского права. Книга IV: Обязательственное право. 3-е изд. СПб., 2005.

9. Бевзенко Р. С. Правовые позиции ВАС по вопросам поручительства и банковской гарантии ... М., 2013 // СПС КонсультантПлюс.
10. Белов В. А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М., 1998.
11. Вебер Х. Обеспечение обязательств. М., 2009.
12. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М., 2004 // СПС КонсультантПлюс.
13. Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2011.
14. Кашников Н.Б. Совместно и отдельно данные поручительства. Совместное обеспечение обязательства // Закон. 2017. № 9.
15. Маковский А. Л. Гражданское законодательство в советской плановой экономике и в рыночной экономике России // Журнал российского права. 2005. № 9.
16. Никитин А. В. О правах требования исполнившего обязательство поручителя к другим поручителям // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4.
17. Никонов С. П. Поручительство в его историческом развитии по русскому праву. СПб., 1895.
18. Новицкий И. Б. Гражданский кодекс: Практический комментарий. Поручительство. М., 1924.
19. Новоселова Л.А. Обратное требование поручителя при банкротстве // Хозяйство и право. 2012. № 9.
20. Нолькен А. М. Учение о поручительстве по римскому праву и новейшим законодательствам. СПб., 1884.
21. Сайфуллин Р. И. Правовая природа обязательства из поручительства // Вестник ВАС РФ. 2011. №8 // СПС КонсультантПлюс.
22. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Проспект, 2005.
23. Чистяков О. И. История отечественного государства и права. Часть 1. М., 2019.
24. Dannemann G. Schulze R. German Civil Code. Article-by-Article Commentary. Volume I. München. 2020.
25. Drobniг U. Principles of European Law. Personal security. Oxford. 2007.
26. The suretyship in the law of the Member States of the European Communities. Study prepared by the «Max-Planck-Institut for ausländisches und internationales Privatrecht» / Drobniг U. (ed.). Hamburg, 1971.